
МОТИВ

УДК 821.161.1-31

DOI 10.37386/2305-4077-2026-1-96-104

© М. А. Дубова¹*Государственный социально-гуманитарный
университет (Коломна, Россия)*

МОТИВ «ПОВТОРНОСТИ ЯВЛЕНИЙ» КАК МИРОМОДЕЛИРУЮЩАЯ УНИВЕРСАЛИЯ В РОМАНЕ Б. А. ПИЛЬНЯКА «ВОЛГА ВПАДАЕТ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ»

Статья посвящена анализу мотивно-образной парадигмы романа Б. А. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море». Особое внимание акцентируется на мотиве «повторности явлений», его роли в построении авторской модели мира, семантической нагрузке и способах лексической объективации. Исследуется, как «закон повторности явлений» крепит композицию романа, объединяя события и героев, структурирует пространственные локусы, организует временной континуум произведения, объективирует мыслительный дискурс персонажей.

Ключевые слова: миромоделирование, мотив «повторности явлений», Б. Пильняк, «Волга впадает в Каспийское море», пространство, временной континуум, мыслительный дискурс, лексическая объективация

Marina A. Dubova*State Social and Humanitarian University (Kolomna, Russia)*

MOTIF OF "RECURENCE OF PHENOMENA" AS A WORLD-MODELLING UNIVERSAL IN THE NOVEL BY B. A. PILNYAK "VOLGA FLOWS INTO THE CASPIAN SEA"

¹ Марина Анатольевна Дубова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна, Россия). ORCID: 0000-0001-6906-1002. E-mail: dubovama@rambler.ru.

The article is devoted to the analysis of the motif-figurative paradigm of B. A. Pilnyak's novel «The Volga Flows into the Caspian Sea». Particular attention is focused on the motif of “recurrence of phenomena”, its role in constructing the author's model of the world, semantic load and methods of lexical objectification. It is investigated how the «law of recurrence of phenomena» strengthens the composition of the novel, uniting events and characters, structures spatial loci, organizes the time continuum of the work, and objectifies the characters' mental discourse.

Keywords: world modeling, motif of “recurrence of phenomena”, B. Pilnyak, “The Volga Flows into the Caspian Sea”, space, time continuum, mental discourse, lexical objectification

Борис Андреевич Пильняк – один из известнейших писателей начала XX века, репрессированный в 1938 г., творчество которого «выделяется сложностью своего развития и напряженным внутренним драматизмом, что было предопределено постоянным поиском новых форм и смелыми художественными экспериментами» [Ауэр, 2009, с. 5]. Импрессионистическое восприятие жизни, обусловленное «спецификой его мироощущения, важнейшими для него эстетическими принципами, в итоге проблематикой его произведений, самой действительностью, представшей перед художником именно такими своими гранями» [Голубков, 1995, с. 4], объективировалось в особенностях поэтики его произведений.

Литература названного историко-культурного периода «сегодня в нашем сознании немислима без этого писателя, с одной стороны, явившегося её порождением, а с другой – её летописцем» [Дубова, 2005, с. 142]. Его творчество «долго дождалось своего возвращения в русскую литературу и культуру. Тогда как после реабилитации писателей ученые активно обращались к изучению произведений «возвращенных» авторов, научно-исследовательский интерес к Пильняку начал проявляться довольно поздно, примерно в 90-ые годы XX века, когда он стал объектом активного литературоведческого изучения» [Дубова, 2023, с. 206]. Однако в последнее десятилетие интерес к изучению яркой, самобытной орнаментальной прозы писателя снова снизился, хотя в лингвопоэтике его произведений до сих пор содержится множество лакун, ожидающих восполнения. Это касается и трех так называемых «коломенских романов» Б. А. Пильняка: «Голый год» (1922), «Машины и волки» (1925) и «Волга впадает в Каспийское море» (1929), – приемы авторского миромоделирования в котором и окажутся в центре нашего исследования с учетом замечания И. Трофимова о том, что Б. Пильняк «в каждом объекте тварного мира стремился отыскать вогнутое сферическое зеркало, которое властно вбирало в себя “весь мир”» [Трофимов, 1998, с. 8].

Мотив «повторности явлений» занимает важное место в мотивно-образной парадигме романа. Он крепит монтажную композицию произведения, связывая пазлы мозаики в единую картину, создавая вертикаль, которая пронизывает уровни романного повествования, объединяет события и героев, возвращает на новом витке сюжета к уже минувшим событиям, прочно хранимым памятью и историей.

Точно так же, как «нет случайностей в законах течения рек» [Пильняк, 2003, с. 261]², нет случайных встреч и событий в жизни человека. И закон повторности явлений – одно из подтверждений этой простой истины. Он входит в текст романа в связи с образом «человека прямых идей и прямых действий»³ (с. 261) профессора Пимена Сергеевича Полетики – ученого с европейским именем, одного из главных положительных героев произведения, размышления которого «отданы “закону повторности явлений” (а именно анализу неожиданных встреч, необъяснимых ситуаций, т.е. того «иррационального начала, которое можно назвать мудростью жизни, судьбой» [Анпилова, 2008, с. 139]: «Стечение случайностей, повторности – систематизировались» (с. 261).

Впервые эта синтагма употребляется автором в самом начале романа, когда Пимен Сергеевич Полетика после разговора в Мозо о поездке на строительство монолита под Коломной поехал на извозчике «*переулками – Ворониковским, Пименовским, и второй раз Пимен Сергеевич вспоминал о своей жене законом повторности явлений*» (с. 240). Здесь в мыслительном дискурсе героя возникают воспоминания двадцатипятилетней давности о его женьитбе, семейной жизни, закончившейся уходом жены с детьми к инженеру Ласло. С этого момента нарушающая линейную последовательность времени «повторность явлений» преследует профессора.

Так, во второй раз вследствие действия этого закона Пимен Сергеевич возвращается к размышлениям о церкви Старого Пимена: «*Повторность явлений всегда необычна, Пимен Сергеевич думал о церкви Старого Пимена*» (с. 245), которые влекут за собой воспоминания о венчании в ней молодого Полетики, переживаемых им тогда радужных надеждах на жизнь. Так

² Цитаты приводятся по изданию: Пильняк Б. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Повести; Рассказы; Волга впадает в Каспийское море / Сост., коммент. К. Андроникашвили-Пильняк. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. 480 с. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

³ Курсив здесь и далее наш. – М.Д.

создается пространственно-временная перспектива, совмещающая современное, историческое и Вечное пространство: Пимен Сергеевич – храм Старого Пимена – Святой Пимен [Дубова, 2023, с. 209]. В этом же ряду следует рассматривать и желание профессора приобрести Четы Миней, где *«записано житие Святого Пимена»* (с. 245).

Размышляя о «повторности явлений» в ресторане Большой Московской гостиницы, Пимен Сергеевич в третий раз сталкивается с действием этого закона: *«– У меня сегодня день повторности явлений, – удивленно сказал Полетика»* (с. 247), когда встречается с инженером Евгением Евгеньевичем Полтораком, который практически дословно повторяет мысли профессора *«о надвигающейся на Европейскую Россию пустыне.., его раздумий никто не знал, кроме двух – трех сороботников и учеников»* (с. 248). Как это ни странно, но *«– Полторак заговорил его словами, – Пимен Сергеевич отнес это за счет повторности явлений»* (с. 248), которая снова вступает в силу, когда Полторак при встрече в гостинице говорит о связи человеческой любви с кровью. Этот разговор словно продолжает мысли профессора о его любви, ушедшей жене, потере на фронте сына.

Повторность явлений лежит в основе структурирования пространственно-временного континуума произведения, организуя неожиданные встречи героев, возвращение персонажей к одному и тому же локусу, повторяющейся мысли или действию. Как, например, очередная встреча профессора с краснодеревщиками братьями Бездетовыми (первый раз Пимен Сергеевич с ними столкнулся, “случайно” попал на аукцион, организованный в церкви Старого Пимена) в поезде, отправляющемся в Коломну: *«Пимен Сергеевич не ответил, в нелепости стечения явлений сделав вид, что не слышал соседа»* (с. 253).

На протяжении всего романного повествования, на новом витке сюжета наиболее значимые для героя события то и дело всплывают в его памяти, заставляя снова и снова возвращаться, переосмысливая события давно прошедших лет, но уже в новых обстоятельствах, что определяет специфику мыслительного дискурса Полетики: *«Повторности явлений! Ольга не была уже женою Ласло, – жена, Старый Пимен, ломбард у Старого Пимена, пещерские пещеры, Четы-Миней, – все это ушло во вчера, в десятилетия, в никуда»* (с. 261). И что примечательно, словно являясь наглядным подтверждением действия закона повторности явлений в жизни, Пимен Сергеевич в конце произведения снова обретает и жену, и дочь, а вместе с ними – потерянное счастье.

В финале романа автор возвращает нас к его первым страницам, к началу сюжета, когда в Москве в день проезда из Ленинграда в Коломну Пимен Сергеевич Полетика *«думал о повторности явлений»* (с. 459), вспоминая *«детство, пещерские пещеры, церковь Старого Пимена, где некогда он венчался, жена, супружество ... все это отошло, никогда не повторимо»* (с. 459). Однако, как показывает автор, повторимо, пусть в иной плоскости и другом формате, но «повторность» настаивает. Этот композиционный прием позволяет профессору уже здесь, в Коломне, снова получить подтверждение действия этого закона и наглядно убедиться, как ирреальное становится материальным и *«повторности явлений заключались в связь вещей»* (с. 460). Именно этим объясняет Полетика сходство своей судьбы с Федором Садыковым, жена которого Мария, как в свое время жена самого Пимена Сергеевича Ольга, ушла к инженеру Эдгару Ласло. И вот только тогда в разговоре с близким ему по мировосприятию и судьбе человеком, инженером Садыковым, он решается ему доверить свои мысли: *«... я думаю о повторностях... У людей, следящих за собою, не бывает случайности, пусть прошла вся жизнь»* (с. 461–462).

Мотив «повторности явлений», как нами было продемонстрировано, наиболее полное развитие получает применительно к объективации образа Пимена Сергеевича Полетики, вербализуя его мировосприятие, мыслительный дискурс, особенности коммуникативно-речевых стратегий, организуя пространство и время вокруг героя. Тем не менее это не значит, что на этом его действие в романном повествовании заканчивается. Может быть, меньше, но «повторность явлений» сопровождает и других персонажей произведения, проецируясь на их судьбу и определяя поведенческие модели.

Например, один из ярких неоднозначных героев романа – инженер Евгений Евгеньевич Полторака, с одной стороны, убежденный враг социализма, а с другой – не способный, как окажется, на убийство, то есть еще не потерявший до конца чести, «болеет женщинами». Применительно к его образу «повторность явлений» реализуется воспоминаниями о Любви Пименовне Полетике, дочери профессора Полетики, которая не пала перед его чарами, а *«ушла оскорбительно чистой»* (с. 315). Он вспоминает о ней, приехав в Коломну, при встрече с профессором Полетикой и инженером Садыковым, в столовой на строительстве монолита, вспоминает, когда идет с рабочим Сысоевым на совещание по вопросу о передаче работ ГЭТу. Наконец, вспоминает её после завершения рабочего совещания, закончившегося решением рабочих не отдавать работы ГЭТу: *«Три года тому назад Любовь Пименовна ушла от Полторака чистой»*.

Убийцу тянет на место убийства. Каменные бабы, которых изучала Любовь Пименовна, были болезнью Полторака» (с. 322). И, поскольку *«убийцу тянет на место убийства»*, Евгений Евгеньевич приходит в дом к Любви Пименовне, которая воспринимает этот приход как следствие принятого решения: *«Ты освободился, ты любишь, ты пришел, – сказала она»* (с. 327). Но на самом деле это всего лишь результат действия закона повторности явлений. Точно так же, как в последний вечер его жизни, который Полторак переживает в состоянии бреда, законом повторности явлений всплывают в больном сознании Евгения Евгеньевича воспоминания: *«Извозчик сдвинул на сторону Коломну, пододвинул к Полтораку дом Якова Карповича Скудрина. Яков Карпович, возникнув за алкогольным фрегатом, на плечах братьев Бездетовых, молвил глазами Шервуда, – “нынче ночью” – и братья Бездетовы стали стеною, готовые к убийству»* (с. 338). Эти воспоминания возвращают героя к встрече в Москве, перед отъездом в Коломну, с Шервудом и к принятому тогда решению взорвать монолит, к встрече по приезду в Коломну в доме Скудрина с Бездетовыми и обсуждению предстоящей диверсии, а также ко всем вытекающим отсюда последствиям: болезненным и неоднозначным размышлениям об убийстве, морали, любви. И Полторак приходит к глубокому философскому выводу, что *«убивающие могут убивать не только третьих, но и самих себя, как убиваемые также могут убивать своими смертями»* (с. 339). Именно вследствие этой повторности, которую можно назвать по-другому, логической закономерностью, объясняется, почему бред Евгения Евгеньевича Полторака полон *«оловом глаз»* (с. 339) Бездетовых и тяжелыми глазами Шервуда. Повторностью явлений, а как же иначе, можно объяснить возвращение Полторака в мыслях к сцене поцелуя Анатодем Курагиным Наташи Ростовской и чувство мучительно переживаемой душевной боли за осквернение её чистоты (с. 339). Об этом герой вспоминает и в свою последнюю ночь перед гибелью, которую провел в бредовом состоянии. Снова в больном сознании Полторака возникают мысли о *«Вере, Надежде, Любви, – жену Полторака звали Софьей, – Полторак бредил породой юродивых, которых убивают. Вера, Надежда, Любовь, Мудрость – бред, ничего нет. Все на крови»* (с. 340).

Законом повторности явлений объясняются встречи Ивана Ожогова с Полтораком, сначала с подоконника дома брата Якова Скудрина, куда Иван Карпович пришел посмотреть на «контрреволюцию историческую», к которой он причисляет Евгения Евгеньевича, затем у калитки, когда Полторак пришел к Любви Пименовне, словно ища защиты, затем в лугах, за рекой, ночью перед самой смертью инженера Полторака.

Закон повторности явлений объективируется в речи Ивана Ожогова в подземелье кирпичного завода перед такими же, как он, людьми, «остановившими время эпохою военного коммунизма» (с. 341), «оборванцами, нищими и юродивыми» (с. 341), когда он говорит о возвращении 1919-го года: «Опять возвращается девятнадцатый год. Сегодня женщины взмолились о чести и справедливости. Были такие братья Райты, они решили полететь в небо» (с. 342). И дальше содержание этой речи проецируется на забастовку женщин, бросивших работу на строительстве, чтобы проводить в последний путь Марию Садыкову и устроить показательный митинг на кладбище в защиту женской чести и достоинства, обличающий Ласло, а затем ключевые идеи этой речи звучат в резолюции, отражающей рост их сознания и протест, которую они приносят главному инженеру строительства Федору Ивановичу Садыкову.

Сам писатель строит свой роман в соответствии с действием этого закона. Повторность явлений реализуется в постоянном возврате к отдельным фактам, событиям, образам, сценам, характеристикам, даже в повторе фрагментов текста, что вообще является отличительной чертой пильняковского идиостиля:

- так, с авторских размышлений о течениях и тальвегах отдельных рек начинается роман, а затем они включаются в речемыслительный дискурс профессора Полетики, в размышления инженеров Федора Садыкова и Эдгара Ласло, связанных со строительством монолита;

- история искусства красного дерева, которое «осталось от столетия безымянным искусством, искусством вещей» (с. 454), возникает применительно к подвалу, где жили братья Бездетовы на Живодерке, дому Якова Карповича Скудрина, опосредованно оказывается связанной с целым кругом персонажей;

- история церкви Старого Пимена и Четьи Минеи, с неё начинается повествование, к ней оно возвращается в конце романа, и она дается глазами Надежды Антоновны;

- история башни Марины Мнишек в коломенском Кремле также первоначально вводится в текст автором, а потом доверяется Любови Пименовне Полетике, которая собирает предания, в том числе и это;

- о «нищих, побирошах, ... юродивых – эти крендели быта святой Руси» (с. 437), о которых автор рассуждает применительно к образу «юродивого советской Руси справедливости ради, мирской коломенской совести, мольца за коммунизм» (с. 437) Ивана Карповича Скудрина (Ожогова), об этом же говорит его брат Яков Карпович Скудрин, рассуждая у себя дома при встрече с Полтораком и братьями Бездетовыми о юродивых убиваемых и убивающих. Эта же мысль приходит в бреду к Полтораку в лугах у кирпичного завода, где он ждет времени взрыва монолита и встречается с Иваном Ожоговым.

И таких примеров в тексте романа множество.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, считаем возможным сформулировать следующие выводы:

- закон «повторности явлений» является важной миромоделирующей универсалией, структурирующей не только авторскую картину мира, но и организующей композицию романа;
- его действие демонстрирует один из главных семантических кодов романа «ничто не выпадает из цепи зависимостей» [Пильняк, 2003, с. 243];
- его действие пронизывает и мыслительный дискурс героев, определяя особенности их воспоминаний, и специфику объективации речемыслительного процесса;
- «повторность явлений» формирует оригинальную концепцию пространства, структурируя соответствующие локусы, и специфику временной организации романа.

Все вышесказанное позволяет сформулировать вывод о том, что «повторность явлений» – «стечения явлений» – «повторности» играют важную роль в мотивно-образной парадигме романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Анпилова, Л. Н.** Проза Б. Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма: монографический очерк / Л. Н. Анпилова // ИФИОС УрО РАО «Словесник»; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2008. – 162 с.
2. **Ауэр, А. П.** «Перед лицом Вечности...»: Статьи о художественном мире Б. А. Пильняка / А. П. Ауэр. – Коломна: КГПИ, 2009. – 212 с.
3. **Голубков, М. М.** Эстетическая система в творчестве Бориса Пильняка 20-х годов / М. М. Голубков // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения (по материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя). ИМЛИ им. М. Горького РАН. – Москва: «Наследие», 1995. – С. 3–11.
4. **Дубова, М. А.** Андрей Белый и культура Серебряного века: Монография / М. А. Дубова. – Коломна: КГПИ, 2005. – 168 с.
5. **Дубова, М. А.** «Россия, Расея, Русь, Коломна: провинция»: концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» / М. А. Дубова // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 203–219.
6. **Крючков, В. П.** Проза Б. А. Пильняка 1920-ых годов: мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах. Автореферат дис. докт. фил. наук. 10.01.01 – Русская литература / В. П. Крючков. – Саратов, 2006. – 51 с.

7. **Пильняк, Б.** Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Повести; Рассказы; Волга впадает в Каспийское море / Сост., коммент. К. Андроникашвили-Пильняк. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – 480 с.

8. **Профатило, И. И.** Художественный мир прозы Б. А. Пильняка. Автореферат дис. канд. фил. наук. 10.01.01 – Русская литература / И. И. Профатило. – Москва, 2006. – 19 с.

9. **Трофимов, И.** Провинция Бориса Пильняка / И. Трофимов. – Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический университет, изд-во «Саул», 1998. – 132 с.

REFERENCES:

1. **Anpilova, L. N.** Proza B. Pil`nyaka 1920-x godov. Opy`t russkogo e`kspresionizma: monograficheskij ocherk / L. N. Anpilova // IFIOS UrO RAO «Slovesnik»; GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». – Ekaterinburg, 2008. – 162 s.

2. **Аue`r, А. Р.** «Pered liczom Vechnosti...»: Stat`i o xudozhestvennom mire B. A. Pil`nyaka / А. Р. Аue`r. – Kolomna: KGPI, 2009. – 212 s.

3. **Dubova, M. A.** Andrej Bely`j i kul`tura Serebryanogo veka: Monografiya / M. A. Dubova. – Kolomna: KGPI, 2005. – 168 s.

4. **Dubova, M. A.** «Rossiya, Raseya, Rus`, Kolomna: provinciya»: konceptualizaciya prostranstva v romane B. Pil`nyaka «Volga vpadaet v Kaspijskoe more» / M. A. Dubova // Nauchny`j dialog. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 203–219.

5. **Golubkov, M. M.** E`steticheskaya sistema v tvorchestve Borisa Pil`nyaka 20-y`x godov / M. M. Golubkov // Boris Pil`nyak: Opy`t segodnyashnego prochteniya (po materialam nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya). IMLI im. M. Gor`kogo RAN. – Moskva: «Nasledie», 1995. – С. 3–11.

6. **Kryuchkov, V. P.** Proza B. A. Pil`nyaka 1920-y`x godov: motivy` v funkcional`nom i intertekstual`nom aspektax. Avtoreferat dis. dokt. fil. nauk. 10.01.01 – Russkaya literatura / V. P. Kryuchkov. – Saratov, 2006. – 51s.

7. **Pil`nyak, B.** Sbranie sochinenij: v 6 t. Т. 4: Повести; Rasskazy`; Volga vpadaet v Kaspijskoe more / Sost., komment. К. Andronikashvili-Pil`nyak. – Moskva: TERRA – Knizhny`j klub, 2003. – 480 s.

8. **Profatilo, I. I.** Xudozhestvenny`j mir prozy` B. A. Pil`nyaka. Avtoreferat dis. kand. fil. nauk. 10.01.01 – Russkaya literatura / I. I. Profatilo. – Moskva, 2006. – 19 s.

9. **Trofimov, I.** Provinciya Borisa Pil`nyaka / I. Trofimov. – Daugavpils: Daugavpilsskij pedagogicheskij universitet, izd-vo «Saul», 1998. – 132 s.

Статья поступила в редакцию 11 августа 2025 г.